

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
КАЛМЫЦКОЙ ЗНАТИ В XIX ВЕКЕ**

Мацакова Наталья Петровна

кандидат исторических наук, доцент,

Эрдниев Оча Германович

магистрант

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г.Элиста

Аннотация. В статье рассматриваются административно-управленческие функции представителей калмыцкой знати в XIX в. Данный период важен для изучения, так как именно в это время происходят существенные изменения в правительственной политике в отношении национальных районов империи, что отразилось и на объеме властных полномочий местной элиты. Прежде всего, авторами описано административно-территориальное деление Калмыцкой степи, охарактеризованы основные единицы – улусы и аймаки. Затем на основании двух важных законодательных источников – «Положений об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. рассмотрены управленческие полномочия нойонов и зайсангов. Отмечается, что с развитием правительственного курса на административную унификацию властные полномочия представителей калмыцкой знати существенно сокращаются. Правительство все больше ограничивало власть нойонов и зайсангов и в отношении подвластного зависимого населения.

Ключевые слова: калмыки, нойоны, зайсанги, система управления, правительственная политика

Положение различных сословий калмыцкого общества имело специфику, свойственную кочевым народам. Высокое социальное положение знати в калмыцком обществе – нойонов и зайсангов – было обусловлено её происхождением и выполняемыми административными функциями. Для того чтобы лучше понять правовое положение калмыцкой аристократии необходимо подробнее рассмотреть факторы, влияющие на их социальный статус, а именно: улусы и аймаки. Основными административно-территориальными единицами Калмыкии XIX в. были улус – владение нойона и аймаки под управлением зайсангов. Сама административная улусо-аймачная система калмыков восходит к улусной системе ранних монголов XII – XIII вв. и сохранилась вплоть до начала XX в. [3, с.98-99]

В. Бакунин, исследователь жизни и быта калмыков XVIII в., писал: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы, и каждый улус имеет особое свое звание и нойона, а у каждого есть по несколько зайсангов, из которых каждый имеет особый свой аймак так, как и

русские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток не по равному числу – в одном пять, десять и больше, а в другом и от несколько сот до тысячи больше. По смерти же нойона улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большому сыну против других его братьев достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливый улусом, а то же чинится и по смерти зайсангов с их аймаками» [1, с.34]. Примерно то же сообщали П. С. Паллас, К. Костенков и другие авторы XVIII-XIX вв.

В XVIII в. улус стал пониматься русской стороной не только в территориально-политическом и административном смысле, но и в хозяйственно-общественном. В дальнейшем, после упразднения Калмыцкого ханства, с появлением в 1786 г. улусов, отданных в казенное ведомство, понятие «улус» стало обозначать административную единицу, которой фактически уже не существовало. Оставалась только территория, обозначенная термином «улус», но и эта территория существовала только на официальных картах. Если раньше, в период существования ханства, улусами владели тайши и нойоны, то после 1771 г. во главе улусов стояли в основном нойоны.

В «Положении об управлении калмыцким народом» 1834 г. говорилось о том, что «улусное управление составляют: 1) В пяти улусах: Хошоутовском, Малодербетовском, Большедербетовском, Яндыковском и Харахусовском, нойоны-владельцы, а в двух улусах: Багацохуровском и Эркетеневском – правители, определяемые начальством» [6].

В «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г. уже зафиксировано, что «по видам управления, калмыцкий народ разделяется на семь улусов, в том числе три казенных и четыре владельческих... Казенные улусы суть: Багацохуровский, Эркетеневский и Яндыко-Икицохуровский; к владельческим улусам принадлежат: Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский и Харахусо-Эрдениевский» [7].

В Положении 1834 г. говорится: «Улусы, управляемые владельцами и правителями, делятся на аймаки, а сии последние на хотоны. Аймаки состоят под управлением зайсангов, а хотоны под надзором старшин...»[6]. А в следующем Положении отмечается, что «По состояниям, калмыцкий народ разделяется на нойонов, владеющих улусами; на владельцев, имеющих по несколько кибиток или семейств; на зайсангов родовых, владеющих аймаками, и зайсангов безаймачных; на духовных, к коим принадлежат ламам и другие лица, и наконец на простолюдинов» [7].

Таким образом, следующей административно-хозяйственной единицей Калмыцкой степи был аймак. В силу существовавшего обычая нойоны отделяли от подвластных им родов некоторую часть калмыков, передавая их в управление родственнику, а иногда простолюдину за особые заслуги, возводя его при этом в звание зайсанга, с правом передачи по наследству предоставленных ему управлению калмыков или без этого права. Закреплялся этот договор

специальными грамотами. Управляющие аймаками зайсанги дробили их между наследниками, вследствие чего число аймаков быстро увеличивалось [5, с. 315-316].

Нойоны располагали особыми судебными органами и штатом специальных должностных лиц, ведающих административным управлением. К числу должностных лиц нойона относился зайсанг – правитель аймака, дарга – управляющий личным двором нойона, демчей – сборщик податей с 40 кибиток, шуленга – сборщик податей с 20 кибиток, хотонные старосты и др. Эти должности являлись наследственными. Но по обычаю нойоны имели право отделять из своих подвластных аймаков некоторую часть, которую могли передать своему близкому родственнику или простолюдину за заслуги, возводя при этом его в звание зайсанга с правом передачи по наследству аймака или без этого права [4, с.574].

Положениями 1834 и 1847 гг. нойоны и зайсанги наделялись рядом преимуществ, но одновременно определялись и их обязанности. Администрация обязана была оказывать содействие нойонам в праве пользования данными им привилегиями и в то же время осуществлять контроль за ними.

В главе IX Положения 1834 г. впервые детально прописывались компетенции, полномочия, а также права и обязанности всех представителей административной элиты: нойонов-владельцев, улусных правителей, зайсангов, хотонных старшин.

Нойоны-владельцы, правители улусов и зайсанги, владеющие аймаками, обязаны были следить «за сохранением общей тишины и спокойствия», «не укрывать людей, впадших в уголовные преступления, но немедленно препровождать их в суд», «иметь точное сведение о нравственных качествах подвластных им калмыков». В их обязанности входила забота «о благосостоянии подвластных им калмыков», в случае необходимости оказание им помощи.

Причем обращается внимание на их персональную ответственность: «за слабый надзор отвечают по законам», «под опасением личной ответственности за сокрытие виновных». В случае, «если будет доказано их нерадение..., то улусы их... поступают в заведование опеки...». Если нойоны и зайсанги принимали духовное звание, то они устранялись от управления улусами или аймаками, которые переходили по наследству во владение старшего в роде по порядку наследства.

Нойоны-владельцы и правители улусов разбирали мелкие гражданские дела (споры, обиды) в соответствии с обычным правом и калмыцкими законами, «подвергая виновных исправительным наказаниям».

Им предоставлялось «право ходатайствовать, чрез совет калмыцкого управления, о награждении лиц, отличившихся полезными для общества заслугами, оказанием пособия в несчастных случаях: голода, падежа скота, повальных болезней и тому подобных;

распространением оспопрививания между калмыками, содействием к открытию и поимке воров, разбойников и проч.» [6].

С принятием Положения 1847 г. видоизменилась и система управления в улусах. Вместо бывших административных единиц было организовано объединенное управление улусов, причем основная роль была отведена не владельцу, а попечителю. Все приказания по улусу шли именно от него и только координировались с владельцем. За улусным попечителем, в том числе, закреплялись полицейские полномочия, контроль за правильностью сбора налога с зависимых от владельца калмыков-простолюдинов, выдача разрешений на отлучку с территории улуса. По всем вопросам документация подписывалась попечителем и нойоном-владельцем. Разногласия между ними разрешались астраханской палатой государственных имуществ.

К обязанностям нойонов относились: «местное наблюдение за обеспечением продовольствием... а также способов к отоплению», «назначать места и время для перекочевок и распределить между аймаками и хотонами своего улуса земли и угодья», «всемерно наблюдать, чтобы калмыки определенную... денежную повинность вносили демчеям своевременно и бездоимочно; чтобы самовольных денежных сборов и притеснений для них не происходило; чтобы натуральные повинности были исполняемы калмыками уравнительно, согласно с общественными приговорами..., а наряд людей на кардонную службу происходил по очереди между семействами» [7].

Основной функцией зайсангов являлось ведение постоянного надзора за рядовыми кочевниками (албату) в целях предупреждения самовольных откочевок, бегства или их захвата неприятелем. В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был кочевать в строго определенной местности и только в своем улусе. Данные указания вытекали из политики нойонов по ограничению и полному пресечению свободы передвижений зависимого населения. Небрежность или халатность, проявленные при надзоре за албату, расценивались как преступление, и виновные зайсанги подвергались штрафу или телесным наказаниям. Бездзорное и свободное передвижение масс албату затрудняло сбор податей с них, выполнение повинностей, сбор ополчения и ставило их под угрозу захвата их другими нойонами. Другой важной обязанностью зайсангов был сбор податей в пользу нойонов[2].

В случае если аймачный зайсанг не справлялся со своими обязанностями или вызывал недовольство нойона своим поведением, то обычно вместо него избирали опекуна на аймачном сходе из числа самих калмыков простолюдинов, нойон в этот процесс обычно не вмешивался, поскольку в XIX в. он уже не всегда мог влиять на ситуацию в собственном улусе. Однако в силу уже слившихся традиций опекун редко когда получал право стать аймачным зайсангом.

Так, В. Батыров и Е. Команджаев приводят в пример случай, когда в 1871 г. после смерти Харахусовского аймачного зайсанга С. Эрдениева его аймак в количестве до 700 киб. пришел в полное расстройство. По просьбе Харахусовского нойона Дугарова Управление калмыцким народом приказало избрать опекуна аймака на аймачном сходе. На сходе «хотонные старосты и выборные старики ... единодушно положили для управления аймаком ... первого демчея нашего улуса калмыка Бата-Насун Зунгруева» [2]. Однако, в 1877 г. опекун был отстранен от управления, когда законным наследником был признан родной брат покойного Л. Эрдениев.

Лишить звания зайсанга за неуместное поведение мог и лично нойон. Например, в конце XVIII в. князь А. Дондуков прибыл из С.-Петербурга для вступления в права на владение Багацохуровским улусом, то один из зайсангов по имени Мингмар «учинил дерской поступок подъехав на лошади (т. е. подъехал с неправильной стороны и не спешившись) к владельческому дому». Разгневанный А. Дондуков лишил его права управлять аймаком, а его сопровождающих наказал плетью, определив каждому по 100 ударов. Оставшийся без управления аймак он пожаловал во владение Намки Джамбе Гелюнгугу [2].

Во второй половине XIX в. российская администрация постепенно заняла место и роль нойонов-улусовладельцев в калмыцком обществе, в подчинение которой автоматически перешли аймачные зайсанги. К примеру, в письме зайсанга Шарнут-Чоносова рода Сюке Зундуева, отправленном им в конце XIX в. в Управление калмыцким народом, он просил допустить его к управлению аймаком, после того как он был уволен по болезни [2].

Вмешательство правительства в отношения между представителями калмыцкой знати и их подвластным населением проявилось и в таком вопросе, как денежные повинности. Нойоны получали с подвластных калмыков денежный сбор – албан. Данные Положения определяли его размер. По первому он составлял не более 25 руб. с кибитки из общей суммы 28 руб. 50 коп. ассигнациями [6]. По второму Положению из общей суммы денежных повинностей 8 руб. 15 коп. в год серебром с каждой кибитки нойонам полагался албан в 7 руб. 14 коп. И во владельческих, и в казенных улусах из общей суммы повинности аймачные зайсанги получали 57 коп. Сверх положенных по закону податей и повинностей калмыцкие феодалы не имели права производить поборы в личных целях. Более того, по Положению 1847 г. «все денежные взыскания, падающие на нойонов и владельцев, должны быть произведены с них самих и ни в коем случае не могут быть обращены на подвластных им калмыков» [7]. В жизни происходило иначе. Негласно нойоны и зайсанги уменьшали или увеличивали размер подати, могли вовсе освободить от нее и даже сверх того оплатить задолженности подвластных им людей по другим официальным сборам.

Таким образом, управленческие функции калмыцкой знати составляли важную часть их социально-правового положения, имели большое значение в системе управления калмыцким

народом на протяжении рассматриваемого времени. Однако с развитием правительственного курса на административную унификацию властные полномочия представителей калмыцкой знати существенно сокращаются. Правительство все больше ограничивало власть нойонов и зайсангов и в отношении подвластного зависимого населения, а в конце столетия вовсе ликвидировало данные отношения зависимости. Большую роль в данной политике сыграли рассмотренные «Положения об управлении калмыцким народом».

Список литературы:

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев / В.М. Бакунин. – Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1995. – 96 с.
2. Батыров В.В., Команджаев Е.А. Роль зайсангов в калмыцком обществе в XIX в. / В.В. Батыров, Е.А. Команджаев // Приоритетные направления развития науки и образования : материалы VII Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 4 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (7). – С. 31-34.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934 – 230 с.
4. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. 1. 848 с.: ил.
5. Очиров А.В. Особенности социально-экономического и политического развития волжских калмыков в конце XVIII в. / А.В. Очиров // Вестник ТГУ. – 2012 – Выпуск 11 (115). – С.315-321.
6. Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом, опубликованное 28 декабря 1835 // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Второе. – Том X. – Отделение 2. –1835 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – 910 с.
7. Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Второе. – Том XXII. – Отделение 1. –1847 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. – 951 с.

Статья подготовлена в рамках научного проекта внутривузовского гранта ФГБОУ ВО «КалмГУ» на тему «Хозяйственные традиции калмыков: исторический опыт и современность»